

До нашей встречи в первые дни 1993 года я немного знал о Лео Ланкинене по нескольким публикациям и республиканским выставкам 70-80-х годов. Питкярантский оргкомитет по созданию памятника жертвам советско-финляндской войны 1939-1940 гг., который я возглавил осенью 1992 года, разрабатывал условия открытого международного конкурса проектов памятника, и мы решили обратиться за помощью к авторитетному в Карелии и России скульптору.

Внимательно выслушав нашу просьбу, Лео Фомич с присущим ему, как мы позже убедились, юмором спросил: «Итак, по-вашему, я настолько стар, что гожусь лишь в консультанты, а для участника конкурса уже слаб?» Такого поворота я не ожидал. Нам уже успели несколько профессионалов намекнуть, что вряд ли кто из маститых

согласится участвовать в конкурсе, не имея гарантии оплаты за сам факт участия в нем. Средств на это не было.

Одним словом, Ланкинен подсказал, в каких учреждениях и организациях мы получим необходимую информацию об организации конкурса, и попросил выслать ему условия сразу после их утверждения. В противовес скептикам он высказал уверенность, что идея памятника заинтересует многих, и оказался прав.

Как и всем двадцати скульпторам из России и Финляндии, заявившим о желании участвовать в конкурсе, Ланкинену были высланы фотоснимки и план-схема утвержденного места размещения памятника, но в отличие от большинства других конкурсантов он, по нашим сведениям, летом и осенью 1993 года не раз приезжал на это место и подолгу оставался наедине с этим лесом, с дорогами, уходящими на Петрозаводск, Питкяранту и Суоярви, с зарастающими мхом окопами, траншеями, землянками. Именно здесь шли наиболее кровопролитные бои частей 18-й стрелковой дивизии и 34-й легкотанковой бригады. Позже это найдет отражение в модели памятника, в пояснительной записке автора и в его требованиях к архитекторам. Не всем удалось в срок прислать макет скульптуры и другие требуемые материалы. Из 14 работ, представленных под различными девизами в январе 1994 года на конкурс, шесть были из Москвы, четыре - из Карелии, три - из Финляндии и одна из Санкт - Петербурга.

В течение нескольких дней в Питкяранте работала выставка конкурсных проектов для жителей и гостей города.

С нелегкой задачей столкнулось международное жюри (двое его членов были из Финляндии), состоявшее из одиннадцати профессиональных художников, скульпторов, архитекторов и четырех общественных и государственных деятелей. Ведь конкурсные проекты принадлежали авторам, отличающимся мастерством и стилем, своим представлением о трагических событиях зимы 1939-1940 гг.

Большинством голосов первое место было присуждено проекту под девизом «Крест скорби». Еще до вскрытия конверта с именем автора не раз звучало мнение, что в этой работе лучше, чем в других, выражена не только скорбь и память о погибших, но и идея глубокого примирения и согласия народов, надежды на то, что трагедия в отношениях стран-соседей никогда не повторится.

Чтобы иметь основание считать памятник народным, оргкомитет старался привлечь разными способами как можно больше добровольных пожертвований от граждан России и Финляндии, а также от предприятий и организаций. Чаще мы встречали понимание и посильную поддержку. Но немало было и тех, кто утверждал, что подобные памятники воинам, воевавшим друг против друга, ставить нельзя или, по крайней мере, рано.

С 1994 г. разъяснять и отстаивать идею памятника нам активно помогал автор. В одном из интервью республиканской газете Ланкинен сказал, что философское осмысление войн на территории Карелии в 1939-1940 и в 1941-1944 г.г. позволило ему понять значимость этих событий не только для прошлого, настоящего, но и для последующей жизни людей. Это видение он выразил в «Кресте скорби», терпеливо обосновывал в выступлениях в карельских средствах массовой информации, на встречах с ветеранами, журналистами, общественностью г. Куопио, куда специально ездил в августе 1994 года. Лео Фомич знал, что мы работаем над памятником вместе с друзьями из этого города-побратима, и поэтому был предельно внимателен к каждому суждению, звучавшему в аудиториях. Отличное владение финским языком здесь оказалось очень

кстати.

Путь к истинным и горьким оценкам содеянного - путь к тому, что наши предки называли покаянием. Это состояние было очень дорого автору «Креста скорби» во время участия к конкурсе и в ходе работы над скульптурой. Покаяние народа по его мнению, не во всем подобно покаянию человека. Это не только церковное таинство, но и общественно-политический акт. Начавшись в сфере сознания, он должен воплотиться в конкретных делах. Одним из них наш талантливый друг и считал создание памятника. В авторском варианте надписи к памятнику одна из строк звучала так: «Крест скорби и покаяния». В начале работы над проектом «покаяние» не вызывало возражения, но позднее некоторые ветераны и политики двух стран, от которых в значительной степени зависела судьба памятника, стали по различным причинам настаивать на исключении этого слова из надписи. Примерно через год споров оргкомитет сдался, а Ланкинен продолжал стоять на своем. Будучи верующим человеком, он воспринимал покаяние как состояние, важное для любого человека, и очень огорчился узкому его толкованию в связи с конкретными историческими фактами. Незадолго до смерти он изготовил гипсовую модель доски с надписью, оставив на ней это слово. Объяснил при сдаче работы он это так: «Если мне не удастся убедить оппонентов, я замажу это слово гипсом перед самой отливкой доски в металле». Не успел, но в памяти нашей остался как человек с ясными и твердыми убеждениями.

В долгих беседах мы не раз касались политики. Нас огорчала частая смена чиновников в российских министерствах культуры и финансов. Не успевал оргкомитет ввести в курс проблем памятника одних, получить заверение о поддержке, а им заинтересовались в Москве в связи с «Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в увековечении памяти российских (советских) военнослужащих в Финляндии и финских военнослужащих - в России, погибших во Второй мировой войне»), как приходилось начинать все сначала с другими. Лео Фомича интересовали подробности решения проблем репрессированных народов в Верховном Совете СССР (членом которого я был в 1989-1991г.г).

В свою очередь, от него я узнал детали кампании борьбы с «формализмом в искусстве», рассматривая его живописные работы, «удостоенные» ярлыка ущербных. Каждый год я воспроизвожу этот разговор на уроках в старших классах при изучении непростой темы о положении художника в рамках «социалистического реализма».

Я думаю, по политическим взглядам Ланкинен был демократ. Но демократизм его был не тем стихийным и неустойчивым, которого в 90-е годы вокруг было пруд пруди, а взвешенным, если хотите, выстраданным, уходящим корнями в 40-50-е годы. Наблюдая мастера в общении с разными людьми, было видно, как порой его огорчает в них нехватка культуры вообще и политической в частности.

Весьма высоко стоит этическая и профессиональная планка большинства из тех, кто был в окружении Лео Фомича. Прежде всего, это относится к его семье, чью заботу и понимание он чувствовал, находясь и далеко от дома. Писатель Ортье Степанов, фотожурналист Семен Майстерман, актриса Дарья Карпова, скульптор Николай Беляков, архитектор Лиа Карма - это далеко не все, с кем познакомил меня Ланкинен, но все они признанные мастера своего дела, и общение с ними, безусловно, обогащало. Остался в памяти и такой факт: первыми, кто поздравил Лео Фомича с победой в конкурсе, была семья скульптора Бориса Пленкина из Санкт - Петербурга, занявшего в конкурсе второе место. Сделано это было через несколько часов после работы жюри,

когда я по телефону сообщил им об итогах.

Общаясь с автором памятника, мы в оргкомитете могли не раз убедиться в его отзывчивости и щедрости. В 1996 году Петрозаводский государственный университет издал в переводе и под редакцией Л. В. Суни «Историю Финляндии» Вильо Расила. Высокие качества книги и малый тираж быстро сделали её редкостью. Когда Лео Фомич узнал, что оргкомитет не заполучил «Историю», к которой надо было обращаться довольно часто, он подарил нам свой экземпляр. Книга и сегодня работает, все, кто берет ее в руки, знают, откуда она.

Пишу эти строки, и передо мной на стене - зимний вечерний пейзаж, подаренный мастером в последний год жизни. Рядом цветная фотография - лето 1995 года: мы стоим с Лео Фомичем на том месте, где будет центр памятника. Пока нет предусмотренного проектом холма, нет котлована под фундамент, не тронут ландшафт. Я еще улыбаюсь, потому что лишь догадываюсь о предстоящих трудностях. Автор смотрит в объектив спокойно и несколько печально - он хорошо знает, как тернист путь от конкурсной модели до открытия памятника.

Не скрою, были периоды, когда от необязательности некоторых чиновников из федерального правительства, от нехватки средств опускались руки. И вот как тогда старался нас приободрить Ланкинен - он не раз увлеченно рассказывал о своем давнем проекте под условным названием «жители Калевалы на разработке большого ржаного поля» (иногда он называл его «карелы обустроивают свою землю»), о горе у дороги из Ругозера в Реболы, где планирует разместить памятник. Он как бы давал понять, что в осуществлении «Креста скорби» не сомневается и смело заглядывает в будущее.

Помогало.

Мог Ланкинен разрядить обстановку и оригинальной шуткой. Однажды в словесной перепалке услышав от оппонента поговорку «мир тесен», Лео Фомич предложил свой ее вариант. Звучал этот вариант довольно неожиданно - «нас много». На недоуменные вопросы: «Кого это нас?», он невозмутимо ответил: «Нас, финнов». И пояснил: «Работая в далеком американском Дулуте над памятником «Зеленые медведи», я как-то зашел в универсальный магазин и там за неполные сорок минут встретил шесть групп финнов. Кто после этого скажет, что нас мало?».

В июне 2000 года проект «Крест скорби» был осуществлен уже усилиями республиканского оргкомитета под руководством Председателя Правительства Карелии. Незримо на всех торжественных мероприятиях открытия мемориала присутствовал наш талантливый земляк Лео Ланкинен. После открытия памятника гипсовая рабочая модель «Креста скорби» в треть натуральной величины передана Карелией городу Куопио в память о совместной работе.

Я согласен с мнением, что памятники нужны прежде всего живым.

После открытия «Креста скорби» прошло три года. За это время его посетили десятки туристических групп, следующих из Финляндии по маршруту «Голубая дорога» и приезжающих из разных регионов России. Редко кто проезжает мимо, не останавливаясь, следуя на своем транспорте. В Питкяранте стихийно складывается традиция: пары молодоженов после регистрации в загсе приезжают к памятнику и возлагают цветы. Ежегодными стали легкоатлетические пробеги от «Креста скорби» к воинскому мемориалу в городе.

Чаще всего я теперь бываю у памятника с ребятами, которых обучаю в школе. И каждый раз, рассказывая им о жизни и творчестве старшего друга, я говорю о главном уроке,

Урок длиной в четыре года

Добавил(а) Administrator

28.01.11 17:48 - Последнее обновление 28.01.11 17:50

преподанном им, уроке спокойной, несуетливой верности своим взглядам, убеждениям, данному слову.

Станислав Пильников

"Новая Ладога", 2003 год